

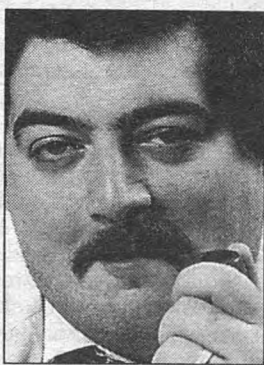
2/09/04

БЫКОВ ПРОТИВ

Классик и современники

В Москве открыта новая художественная галерея. Это прекрасно. Это так прекрасно, что нет слов. Потому что галерея носит гордое имя Ильи Глазунова. Триста его работ, подаренных родному городу еще на 850-летие последнего, обретут наконец кров и будут постоянно доступны восторженным почитателям, москвичам и гостям столицы.

Когда-то в «Вечернем клубе» я уже опубликовал статью «Гений», посвященную творчеству Ильи Сергеевича. Он мне действительно представляется гением — если понимать под гениальностью абсолютную последовательность и эстетическую цельность: развивая лучшие традиции русской живописи — демократичность, социальную ангажированность, реализм, религиозность, традиционализм, — Гла-

становится не каждый. Глазунов — наше зеркало, ветка на общем дереве отечественной культуры. Это свое место он заслужил высокой стабильностью, бешеной плодотворностью и неуклонной верностью себе.

Следует ли осуждать открытие его галереи? Безусловно, нет. По гениальной живописи почти ничего нельзя сказать о породившей ее эпохе: что скажем мы об Италии

времен Возрождения по полотнам Рафаэля или скульптурам Микеланджело? Великое — оно и есть великое, оно вне времени и пространства, на нем отпечаток време-

**Поэзия Дементьева,
проза Проскурина,
живопись Глазунова...**
**Для постижения нашего
времени это документ
бесценный**

зунов довел их до логического абсурда и одним этим оказал отечественной культуре неоценимую услугу. Как современные дизайнеры логично продолжают опыты авангардистов, как Энди Уорхолл был прямым наследником Малевича, как Билибин продолжал В. Васнецова — так Илья Глазунов продолжает и развивает, допустим, Нестерова, хотя Нестеров в понятном ужасе отвернулся бы от произведений последователя; линия, начатая «Явлением Христа народу» гениального безумца Иванова, достойно завершена многофигурными композициями Ильи Сергеевича, который напрасно не хочет признавать себя полновесным мастером китча. Китч — тоже культура, и то, что русская учительско-воспитательная, реалистически-охранительная эстетика завершается такой откровенной попсой, ничуть не оскорбительно ни для традиции, ни для попсы. Иногда не вредно посмотреть на приключения идеи, брошенной в массы. Илья Сергеевич никак не научится рассматривать себя в историческом контексте, абстрагируясь от оценок и просто признавая свою уместность в современном арт-пейзаже. Да, Глазунов, может быть, не очень хорошо рисует; да, он страшно однообразен, да, у него беда со вкусом, с пропорциями и с живописью в целом. Ну так никто и не рассматривает его творчество с этих позиций: мало ли у нас хороших художников! А вот персонажем массового сознания

ни не так заметен, как отсвет личности творца, да и он не бросается в глаза, поскольку на фоне достигнутого Абсолюта личность тоже мало что значит. Иное дело — поэзия Дементьева, проза Проскурина или живопись Глазунова. Для постижения нашего времени это документ бесценный.

Так против чего же я, собственно, выступаю? Против некоторой, как бы сказать, односторонности. Галереи Шилова и Глазунова у нас есть, иностранцы и потомки нам за них спасибо скажут — зайдешь, и сразу все понятно и про культурный уровень страны, и про вкусы власти. Но неужели в наше время не было больше никакого искусства — только акционисты с перформансистами на одном фланге и традиционалисты с властолюбителями на другом? Неужели либо стеб, либо лакировка — две крайности? У нас что в столице, два художника — Глазунов и Шилов? В современной Москве сотни молодых художников, вынужденных подрабатывать газетным и журнальным дизайном, оформлением веб-сайтов, рисованием на Арбате. Где их галереи? Где новые имена и идеи, на недостаток которых все сетуют? Может быть, мы потому их и не видим, что художественный (и отнюдь не только художественный) Олимп плотно закреплен сегодня за двумя категориями людей: теми, кто в семидесятые обслуживал власть, и теми, кто в семидесятые же от нее свалил. ■